
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
МЫ ВООБЩЕ-ТО ПЯТЕРО
КОСМИЧЕСКИЕ ЩЕГЛЫ. КНИГА ПЕРВАЯ
ШКОЛЬНЫЙ ОРБИТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
ЭЙРА
ПЕРЕЛЕСЬЕ
Недотрога
Первая экспедиция начинается там, где взрослые сказали бы: нельзя.

Роман Штерн

Космические щеглы. Мы вообще-то пятеро

https://litres.ru/75010344
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла «Космические щеглы». Пятеро старшеклассников угоняют отцовскую «Недотрогу», чтобы увидеть Эйру раньше официальной экспедиции. Чужая гавань встречает их гостеприимно: выдаёт пять порций еды, готовит пять спальных мест — и регистрирует одним человеком. Теперь любое разногласие становится поводом для заботы, от которой нельзя отказаться. Пока друзья ищут способ вернуть себе отдельные голоса, к Эйре приближается транспорт с сотнями людей. И местная служба спасения уже готовится им помочь.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Раньше официальных лиц	5
Глава 2. Пять причин	17
Глава 3. Наставник отсутствует	32
Глава 4. Стол общего назначения	46
Глава 5. Двое суток до настоящего	58
Глава 6. Один гость, пять порций	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Роман Штерн
Космические щеглы. Мы вообще-то пятеро

От автора

Спасибо Вам, что нашли для этой книги место в своём дне. Мне очень приятно знать, что сейчас Вы открываете её первые страницы. Желаю Вам уютного вечера или доброго дня за чтением.

Глава 1. Раньше официальных лиц

— Если поднять ещё на полметра, за нашими головами будет планета, — сказал Никита.

— А перед головами будет стенд, — ответила Таисия. — Когда упадёт. Держи здесь.

Она вложила ему в ладонь край рамы. Никита упёр её в плечо. На экране ещё не закреплённого стенда замерла надпись: «ВЫПУСКНОЙ КЛАСС ПЕРЕЛЕСЬЯ. НАШ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ».

Следующий шаг пока не удавался: из-под опоры торчал свёрнутый коврик, сумка с крепежом лежала в проходе, а Таисия запретила использовать садовый поручень.

— Он же держит людей.

— Люди не висят на нём вместе с экраном.

— Не все. У нас Федя может.

Фёдор, стоявший по другую сторону рамы, расправил воротник рубашки.

— Дорогие наставники, родители и представители учебных мастерских! Сегодня мы стоим на пороге…

— Сдвинься с порога, — попросил Савелий.

Фёдор отступил. Савелий протиснулся между ним и скамьёй, поставил второй ящик оборудования и выпрямился, не снимая с плеча ремень камеры.

— Я посмотрел пробную запись. Хорошо получается. Все

что-нибудь делают, а я каждые двадцать секунд пересекаю кадр с ящиком. Как местная грузовая фауна.

Никита уже собирался предложить ему отдельный титр, но Савелий потянулся за третьим ящиком.

— Оставь. Я возьму.

— Раму сначала поставь.

Они поменялись местами. Ящик оказался тяжелее, чем выглядел в чужих руках.

В общественном саду включили вечерний свет. Над дорожками проступили тёплые полосы, а за прозрачной стенкой, отделявшей школьную площадку от влажной оранжереи, потемнели листья. Отсюда было видно и планету в нижнем обзорном окне, и зелень, и большую часть их стенда — если не пытаться вместить в кадр ещё и потолок Перелесья.

Майя стояла у перегородки. За стеклом тонкий усик растения медленно сходил с опоры.

— Май, мы сейчас проверим звук.

— Подожди.

— Он не убежит.

— Я знаю. У него на это уйдёт часа три.

Она всё-таки не отошла. Никита поставил ящик и встал рядом. Усик был почти прозрачный, с розовым кончиком. Пока Никита смотрел, он едва заметно загнулся.

— Оно ищет, за что ухватиться?

— Возможно. Здесь опору утром переставили. Я хочу узнать, вернётся ли оно к старому месту.

— Через три часа?

— Поэтому я и пришла сейчас.

Никите нравилось, как Майя умела найти дело там, где все остальные видели зелёную перегородку. Ему хотелось однажды показать ей что-нибудь такое, перед чем она забудет проверять время.

Экран над садовой развилкой сменил объявление о промывке водопровода на маршрутную сводку. Между грузовыми рейсами появилась длинная белая фигурка корабля.

«ДАЛЬНИЙ БЕРЕГ». КОНТАКТНЫЙ ЗАХОД К ЭЙРЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

Никита прочёл строку дважды.

Он знал о согласовании. Следил за ним последние дни — с тех пор, как нашёл в учебной папке отца готовый расчёт коридора. Но до этой минуты заход оставался строчкой со словом «предварительно». Теперь рядом стояло время прибытия.

Фёдор подошёл к экрану.

— Вот кому можно говорить «на пороге».

— Они туда переселяются? — спросил Савелий.

— Нет, дальше, в соседнюю систему, — ответила Майя. — На обследованную необитаемую планету. Здесь обмен грузом и контактная группа.

— То есть до нас там будут живые люди, — сказал Никита.

Таисия перестала затягивать крепление.

— До кого — до нас?

Он посмотрел на белую фигурку транспорта. Скоро появятся записи высадки, голоса, чьи-то первые впечатления. Все будут знать, куда смотреть и чему удивляться. Эйра станет местом, о котором можно сказать: да, я видел передачу.

А у отца в маршрутной папке уже лежал путь туда.

— Давайте сначала добьём стенд, — сказал Никита.

* * *

За работу им полагалось пять напитков из садового автомата. Автомат выдал четыре, на пятом потребовал подтвердить завершение общественно полезной деятельности. Фёдор поднёс к камере лицо и торжественно повторил начало речи. Это не помогло. Таисия нашла нужную отметку в школьной заявке.

Сели за длинную скамью между грядой пряных трав и тихим воздухозаборником. Савелий поставил камеру рядом с собой, объективом к спинке. Майя выбрала место, откуда была видна прозрачная перегородка.

Никита не сел. С напитком в руке он обошёл скамью.

— Представьте, что на этом вечере мы показываем не стенд.

— Раму я разбирать не буду, — сказала Таисия.

— Настоящую запись. Не «какими мы видим себя через десять лет». А где мы были вчера.

— На установке стенда, — сказал Савелий. — У меня есть.

— На Эйре.

Фёдор перестал размешивать напиток.

Никита поставил свой стакан на край скамьи, вынул терминал и развернул изображение над коленями друзей. Серо-голубой шар пересекала тонкая линия колец. Снимок был старый, зондовый; на увеличении у колец распадались края. Он знал на нём каждый светлый излом.

— На «Недотроге». Маршрут рассчитан. Папа готовил учебно-экспедиционный вариант, дорабатывал с навигационной службой. Я его проверил в тренажёре.

Таисия посмотрела не на планету, а на него.

— Папа разрешил?

— Нет.

— Ты собираешься спросить?

Скамья находилась недалеко от дорожки. Мимо прошла женщина с ребёнком; ребёнок волок за собой по воздуху мягкую модель грузовика на тонкой нити. Никита подождал, пока они скроются за травяной грядой.

— Если спрошу, он откажет.

— Я спросила не это.

— Не собираюсь.

Сказанное прозвучало в саду неожиданно громко. Никита сел на свободный конец скамьи.

— То есть мы угоняем корабль Льва Матвеевича, — произнёс Савелий.

— Да, — сказал Никита. — Если полетим — да.

Он мог бы напомнить, сколько раз отец доверял им с Та-

сей подготовку, как сам давал ему вести корабль на учебных участках. Но отец всегда был рядом. Даже когда уходил из кабины, можно было позвать.

Фёдор осторожно опустил стакан на пол.

— Слова для начала экспедиции, конечно, не очень.

— Зато точные, — сказала Майя. — А как ты представляешь саму Эйру? Стыковка и обратно?

— Можно посмотреть гавань. Там принимают чужие корабли. Есть параметры переходников, среды, гостевых помещений. Зонды всё это обменяли.

— Зонды обменяли технические данные, — сказала она. — Я хочу увидеть живое, а не запотевший рукав. Но выходить неизвестно куда без изоляции не буду.

— У нас есть комплекты.

— На пятерых? С проверенными фильтрами?

— Проверим.

Она наклонилась ближе к изображению, и Никита чуть передвинул терминал к ней.

— Вот здесь, у поверхности, — сказал он. — Видишь? Это не облака. Вероятно, растительный покров.

— «Вероятно» оставь, — ответила Майя. — Хорошее слово.

Фёдор увеличил значок гавани.

— Переводчик есть?

— Общий корпус после обмена с автоматами.

— Мне не общий нужен, мне нужен тот, которым можно

спросить что-нибудь кроме массы судна.

— Посмотришь?

— Посмотрю. Хотя первый человеческий разговор может начаться с «наш груз не является взрывоопасным».

Таисия протянула руку за терминалом.

— А корабль сейчас в каком состоянии?

— После обслуживания. Осталось сверить расходники, проверить…

— Какие именно проверки? Ты список сделал?

— Сделал. Там ничего такого. Если что, ты…

Она подняла глаза.

Никита замолчал. Фёдор занялся крышкой стакана.

— Я сверю по списку, — поправился Никита. — А то, чего не умею, покажу тебе. Пока за тебя ничего не проверено.

— И ничего не обещай.

— Хорошо.

Таисия забрала терминал и стала листать. Не сказала «нет». Никита заставил себя не улыбнуться слишком рано.

— А расходы? — спросил Савелий. — Стоянка, воздух, переходники. Топливо тоже не возникает оттого, что корабль семейный.

— На дорогу заправки хватит. Местные услуги надо посчитать. Я отдам свои.

— Все расходы сначала посчитаем, потом отдашь. И ещё. Если я беру камеру, это не значит, что я всё время снимаю вас на фоне окна.

— Можешь меня вообще не снимать.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Снимешь свой фильм. Как хочешь.

— И сам решу, что показывать?

Никита чуть помедлил: он уже видел лица класса, когда на большом экране появятся кольца Эйры, и Савелий непременно должен был стоять рядом, а не где-то у аппаратуры.

— Сам. Но на вечер хоть что-нибудь дашь?

— Если будет что.

Таисия вернула экран к маршрутной таблице.

— По времени покажи.

Никита переключил отображение на часы от старта. Эту таблицу он открывал позавчера, потом вчера ночью. Цифры остались прежними.

— Старт завтра. До входа в коридор — около двух часов. Потом сорок восемь в переходе. Выход, подход — ориентировочно стыковка на пятьдесят втором.

— Двое суток в одну сторону, — сказал Фёдор. — Это я понял. А наш вечер?

— На сто четвёртом часу. Вот.

Никита вывел вторую отметку. Школьная запись была жёлтой: обязательное присутствие, защита выпускных проектных заявок, распределение практики. Пропускать было нельзя не только потому, что они сами устанавливали стенд.

Савелий наклонился к цифрам.

— А «Дальний берег»?

— На сто восьмом. Мы будем первыми. Живыми, не зондами. Почти на двое с половиной суток раньше их группы.

— Но на Эйре у нас сколько? — спросила Майя.

— Короткий визит. Очень короткий. Первый раз — посмотреть, поговорить. Не экспедиция на поверхность.

— И вернуться к защите успеем? — спросил Савелий.

Никита посмотрел на них, прежде чем снова посмотреть на таблицу. На Майю, придерживавшую очки за дужку. На Федину нелепо нарядную рубашку для работы со стендом. На сестру, которая ждала ответа, не помогая ему ответить.

Он помнил полоску допустимого времени между расчётным возвращением и школьным вечером. Помнил, что она исчезала, стоило добавить ожидание причала.

— Успеем, — сказал он. — По этому маршруту успеваем.

Таисия потянула таблицу к себе.

— Я дома открою исходный расчёт. Здесь половина участков свёрнута.

— Я пришлю.

Фёдор поднял свой остывший стакан, но тоста не произнёс.

— Мне сегодня ещё костюм в студию вернуть. Я не могу прямо отсюда улететь первым человечеством.

— Никто сейчас не летит, — сказала Таисия.

— Завтра у корабля, — предложил Никита. — Посмотрим всё. Потом решим.

Майя встала: за перегородкой розовый усик коснулся со-

седней опоры.

— Подожди, — сказала она, уже не Никите.

Он подождал вместе с ней.

* * *

Дома на кухне горел свет только над столом. Отец уехал на дальний исследовательский причал ещё утром; оставил в холодильнике суп и сообщение про протекающий кран. Таисия закрылась у себя. Из-за двери один раз донёсся короткий звук входящего вызова.

Никита съел суп холодным, не заметив этого до последней ложки.

На учебном терминале «Недотрога» отображалась зелёным контуром. Корабль стоял в обычном причальном гнезде, где на наружной камере можно было разглядеть потёртость возле грузового люка. Отец собирался осенью перекрыть её новым защитным слоем. Никита обещал помочь.

Он открыл расчёт.

Сорок восемь часов туда. Сорок восемь обратно. Их нельзя было ужать удачным пилотированием; разворот посреди перехода тоже существовал только в плохих фильмах. Оставались восемь часов на всё остальное: разгон, подход, стыковку, саму Эйру, выход из гавани и возвращение к Перелесью.

В оптимистичном варианте получалось. Крошечный визит, подготовленный заранее обратный маршрут, сразу свободный причал. Вернуться, переодеться, явиться к собствен-

ному стенду.

Никита добавил два часа ожидания в гавани.

Жёлтая отметка школьного вечера оказалась слева от возвращения.

Он убрал ожидание.

Можно было вовсе не стыковаться. Посмотреть с орбиты. Но он уже говорил Майе о живом мире, Фёдору — о разговоре, Савелию — о фильме. Да и самому ему не хотелось лететь двое суток ради вида, который почти так же показывал зонд.

Никита открыл общий чат.

«По срокам есть важное: если нас задержат хотя бы…»

Он остановился. Тася всё равно проверит исходный расчёт. Завтра они будут на корабле, перед настоящей картой, с запасами и списком условий. Там это можно объяснить нормально, не сообщением посреди ночи, после которого все просто напишут, что идея была хорошая, но нет.

Он стёр строку.

«Завтра у „Недотроги“. Только проверка запасов и условий, без обязательства лететь. Расчёт прикрепляю».

Майя ответила первой: попросила параметры чистой зоны и даты проверки защитных комплектов. Савелий спросил, сколько массы остаётся под съёмочное оборудование, и добавил: «Не приблизительно». Фёдор прислал: «Связь и корпус посмотрю до встречи».

Из соседней комнаты пришло сообщение Таисии:

«Инструментальный шкаф без меня не открывай».

Никита откинулся на спинку стула. Ещё никто не согласился на старт. Но в чате уже обсуждали фильтры, массу, переводчик. Не школьный стенд, не чужую будущую запись с Эйры — их корабль, их дорогу.

Он вошёл в учебный календарь и занял окно подготовки «Недотроги» на завтра. Доступ позволял открыть корабль и провести проверки. Разрешения на дальний рейс эта запись не давала.

На экране появились два цветных прямоугольника: подготовка у причала и, через несколько суток, обязательный школьный вечер.

Первый Никита мог передвинуть пальцем. Второй — нет.

Глава 2. Пять причин

Таисия приложила ладонь к панели. «Недотрога» узнала её, разрешила учебную подготовку и открыла внутреннюю дверь.

В корабле пахло тёплым пластиком и отцовским кофе. Запах держался возле вентиляционной решётки, хотя чашку отец, судя по пустому гнезду, унёс. Таисия включила освещение кают-компании. На краю стола белел след ремонта: отец однажды прижал крышкой неубранный зажим и потом сам заменил треснувшую накладку. Новая оказалась светлее старых.

— Ну вот, — сказал за её спиной Никита. — Почти дома.

Таисия сняла с поручня оставленную отцом рабочую перчатку.

— Дома он тоже заметит, если унести кухню.

Никита шагнул мимо неё и положил сумку под стол. За ним вошла Майя, пригнув голову раньше, чем требовалось. Савелий задержался у порога с двумя ящиками; Фёдор придержал ему дверь, которая и без того не собиралась закрываться.

— Это всё еда? — спросил Никита.

— В нижнем еда. В верхнем тоже еда, но её надо приготовить.

— Значит, разнообразная.

Савелий поставил ящики на пол, прежде чем улыбнуться.

Пока остальные снимали верхнюю одежду, Таисия убрала перчатку в сетку у отцовского рабочего места. Над сеткой осталась узкая полоска бумаги: «После замены — проверить на прогреве». Без даты и названия узла. Отец помнил, к чему она относится. Таисия — нет. Она сфотографировала пометку, чтобы сверить с журналом, и только потом открыла свой список.

Корабль был небольшим даже для тех, кто не собирался жить в нём впятером. Шесть полётных мест стояли в кабине и примыкавшем к ней пассажирском отсеке; пять спальных ниш уходили в стену вдоль короткого коридора. В крайней нише Фёдор вытянул руку, проверяя длину, и задел пальцами противоположную панель.

— Здесь можно репетировать только камерные постановки.

— Зато никто не выйдет посреди монолога, — сказал Савелий.

Он уже смотрел, куда пристроить ящики. За нишами оставалась узкая полоса пола, на которую Никита указал носком ботинка:

— Сюда пока можно.

— Нельзя, — сказала Таисия.

— Там же никто не ходит.

Она открыла панель над полосой. За ней оказались фильтровые кассеты и ручки доступа к трубопроводам.

— Пока не ходит.

Савелий переставил ящик к креплениям грузовой сетки.

— Тогда мне нужны размеры свободных гнёзд. И что из них действительно свободное.

Убрать ради багажа исследовательские приборы тоже не получилось. Футляры с отцовскими наклейками были закреплены на ложементах, часть оборудования входила в штатную схему питания. Один особенно неудобный ящик Никита предложил оставить на причале.

Таисия прочла маркировку.

— Это контрольный блок защиты.

— Я имел в виду соседний.

— Соседний — его запасные кассеты.

Никита присел, разглядывая крепления, и больше снимать ничего не предложил.

На экране проверки корабль выглядел просторнее, чем вокруг них: ровные линии, отдельные отсеки, ни одной чужой пятки в проходе. Давление держалось. Даты проверки защитных комплектов совпадали с записью обслуживания. Пометка отца относилась к вентилятору в мастерской; прогрев был проведён, результат занесён в журнал, бумажку просто забыли снять.

Таисия оставила её на месте.

— Тась, а если что-нибудь по дороге начнёт сыпаться? — спросил Фёдор из коридора.

— Зависит от чего-нибудь.

— У нас Тася на случай «чего-нибудь», — сказал Никита. — Она эту систему…

Таисия оторвалась от показаний.

Он замолчал на полуслове.

— Вчера ты уже согласился, — сказала она.

— Я не назначаю тебе работу. Я говорю, что ты умеешь.

— Что именно?

Из коридора больше не доносилось ни звука.

Никита опёрся плечом о дверной косяк.

— Обслуживать её. Ты же с папой…

— Я умею менять то, что положено менять экипажу. Читать журнал. Проверять по инструкции. Если неисправность не из этого списка, я не превращусь в инженера, потому что мы далеко улетели.

— Я понял.

— Тогда в плане не должно быть «Тася починит». Если проверка не проходит, мы можем не полететь.

Он посмотрел на схему. Таисия знала это выражение: Никита уже искал более удачную формулировку, в которой она была бы права, но ничего не пришлось бы отменять.

— Хорошо, — сказал он наконец, поворачиваясь к остальным. — Если будет непонятная неисправность, не вылетаем. На Тасю это не списываем.

— На меня тоже не надо, — отозвался Савелий. — Я в лучшем случае найду, в каком ящике она лежит.

Таисия вернулась к проверке. Строчка об исправности

оставалась незакрытой, пока система не закончила измерение. Раньше она, возможно, уже поставила бы отметку — всё ведь шло нормально. Теперь дождалась.

Следующий раздел был не про исправность.

Она знала, что увидит там, но всё равно прочла дважды. Учебные допуски близнецов действовали. Самостоятельный дальний рейс в них не входил. При отсутствии наставника система предусматривала отдельное аварийное подтверждение; использование сохранялось в журнале, уведомление направлялось владельцу.

— Идите сюда, — сказала Таисия.

Майя подошла первой. Фёдор наклонился над спинкой кресла. Савелий остался в дверях, и Таисия развернула экран так, чтобы он тоже видел.

— Вот что будет перед запуском. Не сейчас. При подтверждении.

— А уведомление можно… — начал Фёдор и посмотрел на неё. — Я не про удалить. Отложить?

— Нет. И искать не буду.

— Не надо, — сказал Никита.

— Папа узнает не из нашего красивого сообщения с Эйры, — продолжила Таисия. — Ему придёт запись. Здесь не появится, что он разрешил.

Фёдор выпрямился.

— Я понял.

Майя спросила:

— До запуска мы можем просто выйти?

— Да.

Таисия оставила предупреждение открытым ещё на несколько секунд. Никто не потянулся к нему и никто не отошёл к двери.

Потом Савелий сказал:

— У меня замороженные пакеты. Если мы пока проверяем, их всё равно надо убрать.

* * *

Свободного места хватало, если не считать свободным любое место, куда физически влезала вещь.

Таисия мерила гнездо под запасные пищевые контейнеры, Савелий сверял размеры ящиков. На его экране появилась новая ведомость: покупки, масса, место хранения. Рядом с продуктами стояла сумма, от которой Таисия подняла глаза.

— Это ты уже заплатил?

— Да. Терминал в долг не отпускает.

— Надо записать, что твоё.

— Я и записываю.

Он добавил отдельную графу, не показав, сколько у него оставалось на счёте. Таисия не спросила. Она знала цену новых накопителей для камеры, но не знала, на что именно Савелий откладывал деньги и как долго.

Никита развернул на столе маршрут. Таисия положила рядом инструментальный футляр. Майя принесла упаковки из верхнего ящика.

На столе осталось место ровно для одной ладони.

— Прекрасно, — сказал Савелий. — Еда уже побывала в навигационном отделе. Теперь ей бы в холодильник.

— Эти не пойдут, — сказала Майя.

Она подняла два мягких свёртка. Савелий перестал искать место.

— Почему? Они свежие.

— Для корабля годятся. Для выноса через чистую зону — нет. Здесь шов раскрывается с крошками, а наружную поверхность нормально не обработать.

— Они вообще не собирались гулять по Эйре.

— Тогда пометим, что остаются здесь.

Майя подвинула свёртки к холодильному гнезду, а пакеты с герметичными швами сложила отдельно. Обошлось без выбрасывания половины еды; Таисия заметила, как Савелий перечеркнул начатую запись об упаковке.

Проверенные защитные комплекты лежали на соседней скамье. Майя провела пальцем по бирке, попросила Таисию открыть журнал изоляционного отсека, затем достала маленький набор цветных меток.

— Чистые вещи здесь. То, что побывает снаружи, сюда не возвращаем, пока не обработано. Если выяснится, что защита не подходит к местной среде, остаёмся внутри.

— Даже если до интересного три шага? — спросил Никита.

— Особенно если три. Так всегда и говорят.

Он придержал пакет, пока она клеила метку. На мгновение их руки оказались рядом, и брат вдруг перестал торопить упаковку.

— Аптечку я посмотрю, — добавила Майя. — Но сразу: курс первой помощи не делает меня врачом. Я могу помочь в пределах того, чему училась. Не обещайте себе, что всё остальное я придумаю.

Таисия подвинула к ней опись аптечки. Это был понятный предел, от которого работа не исчезала, а становилась видна.

Из динамика у Фёдора послышался короткий шорох, затем ровный голос произнёс:

— Допустимое давление в соединении подтверждено.

— Красиво, — сказал Никита. — А «здравствуйте»?

— Давление — девяносто девять процентов уверенности. Приветствие — несколько вариантов, и ни один мне не нравится.

— Почему?

— Потому что обратный перевод выходит «начинаю доступный обмен». Может, это и есть «здравствуйте». А может, я так представлюсь двери.

Фёдор сравнил две записи, снял один наушник.

— С числами, расстояниями, температурой всё прилично. Исходники сохраняются. Но говорить про то, чего в корпусе нет, я пока умею не лучше вас.

— Ты хотя бы знаешь, где этого нет, — сказала Таисия.

— Это и будет моя специальность.

Он взял из её раскрытого футляра тонкий захват, чтобы вытащить закатившуюся под экран заглушку. Таисия протянула руку.

Фёдор привычно подал инструмент — они не первый год сидели рядом за школьными столами. Только она не стала доставать заглушку, а вернула захват в петлю.

— Сперва спроси.

— Я же здесь, никуда не уношу.

— Это не общее.

Он помедлил, потом кивнул.

— Можно захват?

— Можно. Не сжимай им разъём.

Фёдор достал заглушку и положил инструмент точно в ту петлю, из которой взял. Таисия закрыла футляр: на столе ему всё равно было не место.

Савелий тем временем примерял жёсткий чехол камеры к свободной полке.

— Мне вот это гнездо нужно. Чтобы не разбирать половину еды каждый раз. И для копий отдельное место, не рядом с мокрыми пакетами.

— Бери, — сказал Никита.

Савелий посмотрел на Таисию.

— Здесь ничего не обслуживается?

Она проверила маркировку.

— Нет. Только крепление добавим. Покажешь размеры чехла?

Ведомость Савелия пригодилась раньше, чем она ожидала: масса сошлась с допустимой загрузкой, а объём — только после того, как Никита вынул из своей сумки второй толстый свитер и надувную подушку.

— Там же ниши со штатными подголовниками, — сказала Таисия.

— Штатные подголовники не обещают удобства.

— А подушка обещала?

Он сжал её, выпуская воздух. Фёдор торжественно отвернулся, будто присутствовал при чьём-то последнем вздохе. Майя рассмеялась с меткой на кончике пальца.

Таисия тоже улыбнулась. Стало легче работать. Это раздражало: с Никитой даже укладка лишней подушки могла на минуту сделать весь замысел разумным.

* * *

Когда ящики исчезли в гнёздах, на корабле вдруг стало слышно вентиляцию.

Майя и Савелий закончили осмотр запасов в изоляционном отсеке. Фёдор сидел на полу у панели связи; его нарядный шейный платок был заткнут за ворот, чтобы не задевать открытые контакты переносного блока. Никита проверял крепления полётных мест.

Таисия присела в крайнюю спальную нишу, оставив ноги снаружи. На личном экране за списком работ открылось изображение, которое она сохранила ещё до вчерашнего разговора.

Эйрийский ретранслятор стоял над низкими террасами. По снимку было трудно понять размер: возле основания виднелись шесть тёмных пятен, но могли оказаться и опорами, и чем-то подвижным. От центрального ствола отходили широкие неровные пластины. Таисия сначала приняла их за радиаторы, потом нашла второй ракурс и перестала понимать даже это.

Она увеличила край одной пластины. Там были светлые перемычки, слишком частые для знакомой ей конструкции. Возможно, изображение просто портилось при увеличении.

В кружке автоматики всё неизвестное обычно имело спрятанную подпись. Развернёшь условие — и вот схема, вот задача, вот правильный диапазон ответа. Здесь подписаны были только место съёмки и дата приёма.

— Что там? — спросил Никита.

Он стоял у ниши с рулоном крепёжной ленты.

Таисия не закрыла картинку.

— Ретранслятор. По описанию.

— Ты это вчера нашла?

— Раньше.

Он присел на корточки, чтобы посмотреть. Лента повисла у него на запястье.

— Покажешь на месте?

— Если увижу. Я не знаю, куда нас пустят.

Никита провёл пальцем рядом с экраном, не касаясь.

— На деревья похоже.

— У дерева я хотя бы понимаю, зачем ветки.

— Значит, надо посмотреть.

Вот так у него всё и получалось. Между «не знаю» и «надо посмотреть» не оставалось ни отцовского разрешения, ни допуска, ни дороги.

Таисия погасила экран.

Она могла сейчас сказать, что не летит. Вернуть перчатку туда, где она висела, убрать свои инструменты, выйти в причальный переход. И не отвечать потом за очередное Никитино «всё получится».

Но за дверью остались бы и эти пластины. Не только братов замысел.

— Я проверила исходный маршрут, — сказала она. — Сам расчёт пригоден. А за то, как ты собираешься уместить туда всё, что всем пообещал, я не подписываюсь.

— Я и не прошу.

— Просишь, когда говоришь, что мы всё успеем посмотреть.

Он помял край рулона.

— Хорошо. Всего не обещаю.

Таисия ещё посидела, пока Никита не ушёл заканчивать крепления. Потом вернула на экран список подготовки.

Одна его отметка была поставлена на весь ряд кресел, хотя требовалось проверить каждое место. Она сняла общую отметку и написала ему: «По отдельности». Через минуту появились шесть записей.

Ей хотелось встать и самой дёрнуть последнюю скобу — Никита там слишком быстро закончил. Вместо этого она открыла прикреплённые показания. Они были в норме.

За стол собрались уже без вещей. Только карта оставалась посередине; Никита свернул её, чтобы не тянуться через стол к экрану.

— Всё? — спросил он.

— Подготовка почти всё, — сказала Таисия. — Решение ещё нет.

Никита медленно сел.

В проходе за его плечом оставалась открытая дверь. Оттуда виднелся обычный причальный свет, серый пол, край тележки, которой пользовался Савелий. Можно было выйти и отвезти её на место.

— Я лечу, — сказала Майя. — Если защита не позволяет выйти, не выходим. И образцы в жилой отсек никто не тащит.

— Принято, — сказал Никита.

— Я тоже, — произнёс Савелий. — Но я снимаю свой фильм. Не только ролик, как мы всех обогнали.

— Мы вчера договорились.

— Да. Я напоминаю, пока камера ещё в чехле.

Фёдор скользнул взглядом по пустой столешнице.

— Хочу попробовать поговорить. Не воспроизвести запись, а чтобы ответили мне. Даже если сперва придётся полчаса обсуждать давление в соединении. Я лечу.

Таисия ощущала под ладонью светлую отремонтированную накладку. Её край чуть выступал, отец собирался подогнать его при следующем обслуживании.

— Мне нужна техника Эйры, — сказала она. — Я хочу увидеть, как у них это сделано. А здесь беру штатные проверки и доступное обслуживание. Не всё, что кому-нибудь понадобится.

Никита кивнул, не улыбаясь.

— А я хочу туда попасть до того, как нам расскажут, что именно там надо увидеть. И я знаю, что папа не разрешал. Это не учебный рейс.

Больше никто не добавил ничего торжественного. Фёдор потянулся за водой.

Стартовые обязанности заняли ещё десять минут. Савелий проверял закрепление груза, Майя — готовность защитных комплектов и свободные подходы к ним. Фёдор принимал связь, Таисия следила за системами, Никита — за полётной частью. Она вписала, кто сообщает о завершении каждого пункта. Пока рядом не было имени, строка оставалась открытой.

Савелий выкатил пустую тележку, поставил её в причальное гнездо и вернулся. Майя убрала со стола последнюю бумажную обёртку. Фёдор пристегнул блок связи у своего места.

Таисия закрыла список подготовки.

На следующем экране не было красных показаний. Ис-

правность корабля подтверждалась. Внизу оставалась одна незаполненная строка: «Наставник отсутствует».

Устранить это проверкой было нельзя.

Глава 3. Наставник отсутствует

Никита сел в пилотское кресло и сразу почувствовал себя увереннее. Здесь всё было знакомым: потёртая опора под запястьем, чуть тугой боковой упор, тонкая царапина на краю экрана. Отец оставил её пряжкой часов и каждый раз говорил, что надо бы заполировать.

Никита потянулся к поясному ремню. Локоть застрял между креслом и боковой панелью.

Пришлось вытащить из щели рукав старой отцовской куртки, подоткнуть лишнюю ткань и застегнуться заново. Пока он возился, экран перед ним успел пригаснуть. Никита коснулся края, возвращая яркость.

«Подготовка завершена. Подтверждение наставника отсутствует».

Не красное предупреждение, не тревога. Спокойная строка, под которой всё ещё можно было выбрать завершение учебного сеанса.

Таисия сидела справа, ближе к системному экрану. За открытым проходом виднелись остальные кресла. Савелий подтягивал ремень поверх своего починенного рукава; камера лежала в закреплённом чехле. Майя проверила, достаёт ли до аварийного набора сбоку, и убрала руку. Фёдор смотрел на схему связи. На этот раз он не поправлял волосы перед включённой камерой.

— Полётная часть готова, — сказал Никита.

— Системы в норме, — ответила Таисия.

Остальные тоже отозвались — коротко, почти теми же словами, которыми десять минут назад закрывали подготовительный список.

За стеклом висела балка причала. На ней горели две белые полосы, а между ними темнела узкая лестница для наружных работ. Никита не раз смотрел на неё отсюда, пока отец ждал разрешения на отход. Обычно в это время можно было спросить, сколько займёт дорога, или сказать, что забыл воду. Отец отвечал, не отрываясь от приборов.

Сейчас отвечать было некому.

Никита открыл предупреждение полностью. Самостоятельный дальний рейс учебным допуском не разрешён. Использование аварийного подтверждения будет сохранено в журнале. Владельцу будет направлено уведомление.

Он знал текст. Всё равно прочитал ещё раз.

— Пока не подтвердил, можем просто выйти, — сказал он.

— Знаем, — отозвалась Таисия.

Никита посмотрел назад. Фёдор держал палец возле выключателя микрофона, хотя канал ещё не был открыт. Майя встретила Никитин взгляд и кивнула. Савелий перестал поправлять ремень.

Никите захотелось сказать что-нибудь про то, как они потом будут вспоминать эту минуту. Но будущий рассказ сей-

час получался гораздо легче, чем само действие.

Он подтвердил отсутствие наставника.

На экране появилась запись с его именем. Ниже — принятый маршрут, ограничения управления и отметка времени. Разрешения отца среди них не было.

— Аварийное подтверждение зарегистрировано, — сообщила автоматика. — Уведомление владельцу передано в сеть доставки.

Таисия перевела взгляд на свой экран. Савелий выдохнул так, что микрофон поймал воздух.

— По крайней мере, — начал Фёдор и замолчал.

Никита ждал продолжения.

— Что? — спросила Майя.

— Хотел сказать что-нибудь успокаивающее. Пока нет.

Она чуть улыбнулась, но ладонь с ремня не убрала.

На внешнем обзоре всё оставалось прежним. Та же балка, лестница, белые полосы. Никита почему-то ожидал, что после подтверждения корабль хотя бы иначе загудит. Однако вентилятор работал ровно, а возле ноги всё так же мешал угол куртки.

Теперь он мог закончить сеанс, выйти и позвонить отцу. Запись уже никуда бы не делась, но «Недотрога» осталась бы у причала.

Никита открыл полётную страницу.

— Федя, запрос на отход.

— Передаю.

Портовый канал ответил почти сразу. Автоматика терминала получила данные о состоянии корабля, проверила свободный участок и выдала время отделения. В её сообщении не было ничего ни о школе, ни об отцовском разрешении. Она следила за тем, чтобы «Недотрога» не столкнулась с соседним судном.

— Коридор подтверждён, — сказал Фёдор. — На первом участке ограничение по скорости. Дальше — по профилю.

— Вижу.

На экране начался короткий отсчёт. Никита положил руки на опоры. Левую пришлось передвинуть: слишком сильно давил большим пальцем на край.

Причальные замки отпустили корабль с двумя негромкими ударами.

* * *

Балка медленно пошла вверх. Сначала Никите казалось, что движется именно она, а «Недотрога» остаётся на месте. Потом в обзор вошёл край соседнего грузового гнезда, и между корпусом и причалом открылась полоска черноты.

Корабль отходил сам. Никите требовалось следить за отклонениями и вовремя подтверждать участки программы. Он столько раз выполнял это с отцом, что первые секунды даже обидели своей простотой. Ради них они собирались весь день, спорили, проверяли крепления, обманывали домашних — а теперь аккуратный значок двигался вдоль рассчитанной линии.

— Отделение штатное, — сообщила Таисия.

— Перехожу к следующей проверке.

— Подожди. Ещё питание после отключения от причала.

— Там же всё зелёное.

— Под нагрузкой ещё нет измерения.

Никита уже открыл следующую страницу.

— Тася, я вижу.

— Тогда назови время показания.

Он резко повернулся к ней, но она смотрела не на него. На её экране ползла короткая шкала проверки.

Никита вернулся назад. Зелёная отметка действительно стояла возле прежнего измерения, ещё с внешним питанием. Новое поле оставалось пустым. Разница была в нескольких секундах и крошечной подписи, которую он пропустил.

Корабль продолжал отходить. Ничего страшного не происходило.

От этого стало особенно неприятно.

— Старое, — сказал он.

— Да.

Он дождался нового значения. Оно тоже оказалось зелёным.

— Теперь?

— Теперь проверка закончена.

Никита подтвердил пункт и только после этого вернул полётную страницу. Хотел добавить, что он и так успел бы заметить отклонение, но в кабине было слышно, как Фёдор по-

вторяет портовому каналу номер участка. Таисия уже занималась следующим измерением.

Перелесье развернулось за кормой. На боковом обзоре показались освещённые поверхности, грузовые фермы, тёмные провалы между ними. Никита попытался найти общественный сад, но с этого ракурса видел лишь несколько одинаковых светлых полос.

Где-то там остался их стенд. На экране по-прежнему, наверное, стояли слова про следующий шаг.

После выхода из тесной причальной зоны начался разгон. Упор мягко прижал Никиту к спинке; шум воздуха почти исчез под низким ровным гулом.

И тут из пассажирского отсека донёсся щелчок.

Не громкий. Так мог закрыться футляр.

— Никита, груз, — сказал Савелий.

Никита посмотрел на внутренний обзор. Савелий повернул голову к нижнему шкафу напротив кресел.

— Что именно?

— Правый ящик с продуктами. Сдвинулся к сетке. Внешняя скоба держит, внутренняя отошла.

Никита увидел ящик. Тот наклонился совсем немного, но раньше между ним и стенкой не было чёрной полосы. Сейчас в щель проходил бы палец.

— Я сниму ускорение.

— Не резко, — сказала Таисия. — Выбери штатное удержание текущего участка. Дай мне проверить, сколько можем

на нём оставаться.

Никита уже тянулся к другой команде. Остановился, убрал руку и выбрал удержание. Гул ослаб не сразу; прижим плавно отпустил грудь.

— Удерживаем, — сказал он.

— Федя, предупреди порт: проверка крепления внутри, герметичность и управление без замечаний.

Фёдор передал это почти слово в слово. Не назвал поломку мелочью и не сказал, что всё уже исправлено.

Пока ждали ответ, Савелий расстегнул верхнюю часть ремня.

— Оставайся пока, — попросила Таисия. — Ещё остаточное ускорение.

Он застегнулся обратно. Никита смотрел на ящик, ожидая, что тот двинется дальше. Сетка натянулась, но держала. На её краю покачивался короткий свободный конец.

Порт подтвердил удержание и временно сдвинул границу разрешённого участка. Таисия вывела время на общий экран.

— Можно работать. До следующего разгона вернуться в кресла. Сава, что тебе нужно?

— Доступ снизу. Майя, у тебя под ногами ремень от моего чехла, можешь убрать?

Майя наклонилась и закрепила ремень у боковины кресла, чтобы петля не перекрывала проход. Потом, держась за поручень, отодвинула подставку для ног. Савелий выбрал-

ся со своей стороны, опустился перед шкафом и придержал ящик коленом.

Никита видел только его спину.

— Может, я помогу?

— У тебя полётная часть, — сказала Таисия.

Савелий просунул руку под нижний край.

— Под скобой край упаковки. Когда потянуло, продавило.

Он вынул смятую полоску мягкого материала и показал её внутренней камере. Потом вернул ящик на место. Звук защёлки на этот раз вышел резким и ясным.

— Проверяю вторую.

Никите хотелось сказать, что вторая ведь выдержала. Он следил за временем удержания и видел, как секунды складываются в минуты. Уже на выходе из собственного причала они потратили то, чего почти не было в его красивом расчёте.

Он убрал общий маршрут с бокового экрана, оставив только текущий участок.

— Вторая в порядке, — сказал Савелий. — Сетку подтягиваю. Теперь ещё раз с нагрузкой.

Он дёрнул крепление в направлении прежнего сдвига, потом упёрся в ящик плечом. Майя держалась рядом за поручень, не пытаясь втиснуться к нему.

— До конца сел? — спросила Таисия.

— Да. Полосу видно целиком. Смотри.

Он отступил, давая камере обзор.

— Вижу. Возвращайтесь на места.

Савелий пристегнулся и сообщил об этом сам. Майя вернула подставку, проверила свой ремень. Фёдор передал в порт, что проверка окончена.

Никита возобновил профиль только после подтверждения Таисии. Корабль вновь прижал их к спинкам. Ящик не шевельнулся.

— Это я упаковку поджал, — сказал Савелий. — Когда ставил.

— Удерживающая сетка сработала, — отозвалась Таисия. — После разгона осмотрим скобу без груза.

Савелий кивнул. Камера оставалась в чехле.

Никита посмотрел на расчёт входа. Окно ещё сохранялось: несколько минут ушли из резерва местного участка. Прибытие пока не сдвинулось.

Он почувствовал облегчение раньше, чем успел решить, хорошо ли это — радоваться тому, что никто не спросил о резерве.

За следующим изгибом траектории Перелесье стало меньше. Отдельные окна слились; светлые фермы ещё различались, но Никита уже не мог бы показать, где именно был их причал.

В углу экрана связи стояла отметка: «Уведомление передано». Ниже — адрес владельца, Лев Матвеевич Острогоров.

Не ожидает отправки. Не черновик.

Никита зачем-то раскрыл подробности. Доставка до дальнего исследовательского причала зависела от внутрисистемной линии и расстояния. Отметки о прочтении не было.

Он представил отца у рабочего стола: тот стоит, упёршись ладонью в край, читает на маленьком экране. Сначала, наверное, решит, что Никита неверно завершил учебный сеанс. Откроет траекторию.

Дальше Никита представлять не стал.

— Входящих нет, — сказал Фёдор.

Никита поднял глаза.

— Я ничего не спрашивал.

— Ты третий раз смотришь на связь.

— Полёт веди, — тихо сказала Таисия.

Он закрыл сведения о доставке. До входа оставалось меньше часа.

* * *

Дальше не случилось ничего, что потом можно было бы эффектно рассказать. Они прошли проверку курса, сверили состояние защиты, дождались окончания разгона. Фёдор принял сообщение о завершении портового сопровождения. Савелий дважды смотрел на ящик, но больше не вставал.

Никита помнил этот участок по учебным полётам: долгая работа, в которой иногда не требовалось ничего делать, кроме как не пропустить нужное. С отцом он в такие минуты начинал разговоры. Сейчас проверял время и перечитывал строки, хотя уже знал их.

Вход находился за пределами плотной гравитационной зоны. Программа вела «Недотрогу» к рассчитанной области, не предлагая срезать угол. На обзорном экране оставались звёзды и несколько далёких огней. Чтобы увидеть Перелесье, приходилось выбирать увеличение.

Никита включил его ненадолго. Поселение было маленьким светлым сооружением, за которым уже не угадывались ни сад, ни кухня с оставшимся супом.

— Контроль перед входом, — произнесла автоматика. — Продолжительность переходного участка — сорок восемь часов. Выход — по рассчитанной траектории. Разворот на участке недоступен. Внешняя связь на время перехода прекращается.

Никита посмотрел на сестру. Таисия прочла свою страницу до конца и подняла глаза.

— Системы готовы.

— Крепления готовы, — сказал Савелий. — Все. Перепроверенные тоже.

— Защитные комплекты доступны, проходы свободны, — сказала Майя.

— Последние местные данные приняты. Канал чистый, — отозвался Фёдор.

Никита сверил полётные показания. Ему хотелось спросить, не передумал ли кто-нибудь, но получалось, будто он ищет человека, который остановит всё вместо него. Они уже ответили — и у стола, и сейчас, каждый за свой участок.

— Полётная часть готова, — сказал он.

До входа оставалась минута.

Фёдор кашлянул и выключил микрофон. Майя поправила очки, хотя они держались ровно. Савелий положил ладони на бёдра. Никита заметил всё это и не стал говорить, что бояться нечего.

Отсчёт дошёл до нуля в начале третьего часа после старта.

Внешнее изображение исчезло. На его месте появилась служебная схема: корабль, границы участка, время до выхода. В ушах коротко изменилось давление, словно рядом закрылась тяжёлая дверь. Потом снова стал слышен вентилятор.

— Переход начат. Отклонений нет.

Никита ещё несколько секунд сидел, глядя на схему. Цифры убывали без всякой торжественности. На пяти местах оставались те же пятеро, куртка всё так же была велика в плечах.

Он освободил ремень. Пряжка не сразу попала в боковое гнездо: пальцы мелко дрожали. Никита взял её обеими руками, уложил, затем проверил застёжку на рукаве. Она была закрыта. Он расстегнул её и застегнул плотнее.

— Сейчас кто остаётся у приборов? — спросила Майя.

— Я могу.

— Ты две смены собираешься подряд? — Таисия открыла список. — На первый час участка у меня системы. Федя остаётся на связи с внутренними постами, пока разойдёмся.

Тебе можно встать.

Никита не помнил, чтобы они договорились именно так. Потом увидел своё имя в строке следующей проверки. Действительно договорились — ещё до старта.

Он передал системный обзор на её экран. Пилотское место оставалось его, но сидеть здесь без перерыва больше не требовалось.

В проходе Никита придержался за край кресла. Ноги оказались ватными. Он сделал вид, что просто пропускает Майю.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально.

Она посмотрела на его руку.

— Воды себе возьми. Я тоже хочу.

Это было удобно: можно было принести две порции и не объяснять, почему никак не удаётся расслабить плечи.

В кают-компании свет включился ярче. Никита достал воду, передал Майе и сел на край сиденья. Отремонтированная накладка стола оказалась прямо перед ним. На ней лежала свёрнутая карта, которую он унёс сюда перед стартом.

Из кабины донеслось сухое сообщение:

— Полёт штатный. Рекомендуется соблюдение режима отдыха.

Фёдор появился в проходе, уже отсоединив переносной блок связи.

— Итак, великая экспедиция…

— Есть будет? — спросил Савелий из-за его плеча.

Фёдор обернулся.

— Экспедиция будет.

— Я спрашиваю про еду. Кто-нибудь собирается?

Никита понял, что голоден. Последний раз они ели ещё во время сборов, между проверками, и тогда ему казалось, что нормальный ужин начнётся сам собой, как только корабль полетит.

— Давайте, — сказал он.

— Это хороший ответ, — заметил Савелий. — Только кому?

Таисия из кабины попросила пока не трогать её футляр у стены. Фёдор хотел разложить на столе блок для записи. Майя поставила воду и спросила, где чистые салфетки.

Никита потянул карту к себе, освобождая кусок поверхности. Под ней обнаружился его же планшет со стартовым списком. В списке все строки были закрыты.

До выхода оставалось сорок семь часов пятьдесят шесть минут. Ужин в список не входил.

Глава 4. Стол общего назначения

Первым Савелий достал из шкафа тот самый ящик, который сдвинулся при разгоне. Теперь скоба держала так, что пришлось взяться обеими руками.

— Не ломай, — донеслось из кабины.

— Я открываю.

— Тогда открывай без победы над конструкцией.

Савелий ослабил нажим, нашёл защёлку и выдвинул ящик. Из-под крышки пахнуло сушёными яблоками. Запах оказался неожиданно домашним. Ещё недавно он сидел пристёгнутый и старался не смотреть на отсчёт до перехода; теперь можно было решить, сколько воды нужно чечевице. Вода хотя бы не требовала храбрости.

Он поставил в нагреватель закрытую ёмкость, проверил крепление и разложил на маленькой кухонной полке пакеты. Для лепёшек и соуса места уже не осталось.

— Мне бы стол.

Никита подтянул карту на ладонь ближе к себе. Майя убрала воду. Фёдор передвинул блок записи к дальнему краю — ровно туда, где Савелий собирался поставить доску.

— Вот, — сказал Фёдор. — Здесь почти всё свободно.

Свободной осталась полоса шириной с запястье.

Савелий посмотрел на неё, потом на Фёдоров блок.

— Хороший стол. На одном конце летим, на другом вы-

ступаем. Еду, видимо, надо пропускать транзитом.

Фёдор засмеялся и повернул блок так, чтобы тот занимал чуть меньше места. Никита тоже улыбнулся, но карту не свернул.

Савелий достал из сухого шкафчика камеру. Ещё на сборах он заметил удачную точку возле светильника: оттуда были видны руки за столом, проход в кабину и светлая накладка, которую поставил Лев Матвеевич. Не лица, выстроенные для записи, а место, куда все тянулись с разными вещами. Он закрепил камеру разрешённым зажимом, включил экран, выровнял край кадра.

— Уже снимаешь? — спросила Майя.

— Пробую. Вас можно? Сейчас, за делом.

— Меня можно, — сказала она. — Только не проси повторить, если уроню что-нибудь.

Остальные тоже согласились. Таисия отозвалась из кабины:

— Только экран с моими записями не бери крупно.

Савелий чуть изменил угол. На изображении появилась Никитина рука с закатанным рукавом; рядом Майя сдвигала чашки. Он нажал запись и принялся освобождать место для доски.

Из кабины вышла Таисия с переносным экраном.

— Мне сюда на минуту. Хочу сверить схему крепления, пока ящик пустой.

— Он не пустой.

— Можно продукты вынуть?

Савелий оглядел стол.

— Можно. Куда?

Таисия остановилась, затем поставила экран вертикально у стены. Никита поднял карту, чтобы помочь, и накрыл ею блок Фёдора. Тот спас блок, переложив его на кухонную полку. Савелий снял с полки закрытую коробку с мисками и поставил перед собой.

На экране камеры коробка аккуратно заслонила весь стол.

Нагреватель подал сигнал. Чечевица была готова, а соус ещё оставался двумя нераспечатанными пакетами. Лепёшки следовало прогреть после неё; Савелий собирался разложить начинку сразу, пока они были мягкие.

Он выключил запись. Потом вернул коробку на полку, вынул горячую ёмкость и закрепил её в гнезде.

— Давайте каждый уберёт своё, — сказал он. — Не подвинет. Уберёт со стола.

— Может, пока просто в мисках? — предложил Никита. — А потом освободим и запишем нормально. Первый ужин между звёздами.

— Можно в мисках. Только разложить тоже надо где-то.

Никита посмотрел на ёмкость у него в руках.

— А. Да.

Он наконец свернул карту и унёс вместе с планшетом. Фёдор забрал блок записи. Майя протёрла стол, пока Таисия выбирала место для экрана. Савелий дождался, не перестав-

ляя больше ничего за ними.

Лепёшки пришлось отложить. Он раздал чечевицу, открыл соус и поставил его посередине. К тому времени, как все сели, еда перестала обжигать.

— Вкусно, — сказал Никита после первой ложки.

Савелию было приятно. От этого досада не исчезла, и он несколько секунд жевал молча, пытаясь устроить эти два чувства так, чтобы одно не отменяло другое.

***

Таисия закончила проверку скобы, пока они ели первые ложки. Савелий держал опустошённый ящик, она подсветила внутренний край и несколько раз закрыла крепление без нагрузки.

— Целое. Упаковку сюда больше не поджимай.

— Уже не буду.

Она вернула ему ящик и села. Фёдор молча подал ей миску, накрытую второй миской, чтобы не остывала. Таисия сняла крышку и подвинула к нему соус. Они даже не посмотрели друг на друга; Савелий успел подумать, что вот это следовало бы снять, но камера уже не снимала.

За столом стало теснее, зато наконец появилось ощущение, что они не готовятся к полёту, а живут в нём. Никита снял куртку и пристегнул её к сетке у стены. Майя вытянула под столом ноги, упёрлась в чьи-то ботинки и спросила, чьи. Фёдор признал один.

— Второй тоже твой, — сказала Таисия.

— Тогда забираю оба.

Савелий ел медленно. Он любил пробовать то, что приготовил, уже без необходимости что-нибудь поправлять. Соус получился кислее, чем дома, но чечевица была хорошая.

— Нам надо ещё время для съёмки оставить, — сказал он. — Не когда всё остальное закончится.

— Конечно, — отозвался Никита. — Ты что хочешь первым?

— Не знаю пока. Мне надо посмотреть, как мы тут…

— Как мы тут докатились до межзвёздного преступления, — подхватил Фёдор. Он отложил ложку и заговорил ниже, голосом человека из серьёзной передачи: — Пятеро молодых людей. Один корабль. Ни одного взрослого решения.

Майя прыснула в миску. Савелий тоже улыбнулся.

— Нет, я не про вступление. Я хочу попробовать без объяснений. Чтобы по тому, что люди делают…

— Было понятно, какие мы, — закончил Фёдор. — Да, это лучше. Начать с рук. Я где-то видел.

— На защите можно сначала вообще не говорить, что это Эйра, — сказал Никита. — Пусть думают, учебный рейс. А потом…

— Для защиты я отдельно выберу, — напомнил Савелий.

— Помню. Я просто про то, что можно показать классу.

Савелий поднял экран камеры. За тёмной коробкой в записи мелькали локти. Он хотел объяснить, что на конкурс наблюдательных фильмов нужны не самые красивые кадры

из поездки. Там всё должно держаться на том, куда смотришь и сколько не отводишь глаз. Эйра могла помочь, но одного названия планеты было недостаточно.

Никита уже спрашивал Майю, есть ли в зондовых материалах вид колец без условных цветов. Фёдор прикидывал, можно ли записать звук нагревателя отдельно.

Савелий погасил экран. Сказать про конкурс сейчас значило сначала вернуть себе разговор. Он взял ложку.

Вскоре Никита доел и заглянул в общую ёмкость.

— Там ещё есть?

— Есть.

— Отлично.

Никита положил ложку поперёк миски. Фёдор тоже закончил. Савелий привычно отодвинул ногу, чтобы встать, и остался на месте.

Нагреватель тихо щёлкнул.

— А добавка как? — спросил Фёдор.

— В ёмкости.

— Это я вижу.

— Я тоже.

Майя опустила голову, пряча улыбку. Никита посмотрел на свою миску, потом на Савелия.

— Ты ещё ешь.

— Да. Кто сейчас дежурит?

— У нас только проверки расписаны, — сказала Таисия.

— Значит, пока никто.

Никита взял свою миску и Фёдорову.

— Я положу. Кому ещё?

Савелий не успел ответить: слишком непривычно было, что вопрос обращён и к нему.

— Мне немного. Со дна, там гуще.

Никита вернулся с двумя мисками, потом забрал остальные. На втором заходе задел коленом сиденье и расплескал соус на край подноса.

— Для первого межзвёздного ужина не хватает ширины, — сказал он.

— Стол нормальный, — ответил Савелий. — Просто мы на нём сначала весь корабль разместили.

Таисия придвинула к себе планшет, но оставила его на коленях.

— Давайте сейчас смены сделаем. Пока не разошлись. У меня после наблюдения ещё всё, что кто-нибудь хотел спросить на минуту.

— Тась, ты устала, — мягко сказал Фёдор. — Мы не срочно…

Она положила ложку.

— Я устала. И после сна не смогу одновременно проверять системы и искать каждому зарядку.

Фёдор открыл рот, но она продолжила тем же спокойным голосом:

— Не надо объяснять за меня. Я прошу распределить работу.

— Ладно. Понял.

Он подвинулся, чтобы она могла поставить ноги удобнее, и больше не добавлял.

Список составили на обороте стартового расписания. Сначала Никита предложил дежурство по дням, но Савелий спросил, означает ли это, что один человек целый день кормит четверых. Решили назначать на каждую еду двоих: один готовит или разогревает, второй освобождает стол и убирает. Потом меняются.

— Готовить сложное я не умею, — предупредил Фёдор.

— Там есть простое, — сказал Савелий. — Я подпишу.

— Это опять тебе работа, — заметила Майя.

— Четыре коробки подписать я хочу. Чтобы потом не объяснять через дверь.

Никита вписал себя в уборку после нынешнего ужина. Майя взяла следующую еду, Фёдор — стол после неё. Таисия оставила за собой часть технических проверок, остальные доступные наблюдения они сверили с инструкцией и разнесли по сменам близнецов. Никита попытался вписать «Тася — если что», сестра молча повернула к нему экран. Он стёр.

— Со стола я ваши вещи не уношу, — сказала Майя. — До еды каждый убирает сам. И образцы сюда не кладём. Даже герметичные.

— Образцов ещё нет, — заметил Фёдор.

— Вот и удобно договориться заранее.

— Инструменты в мой футляр не складывать, — добавила

Таисия. — Если нашли не на месте, позовите меня. Не надо наводить там свой порядок.

Для работы стол отвели между едой; занявший обещал освободить его к следующей. Получилась небольшая таблица с именами, временем и удивительно пустой строкой «отдых».

Про съёмку в ней ничего не было.

Савелий видел это. Однако сейчас Никита собирал миски, Фёдор выяснял у Майи, чем протирать нагреватель, а Таисия наконец доедала. Возвращать разговор к себе не хотелось. Он сохранил расписание как было.

***

Позже, когда корабельный свет потускнел перед условной ночью, Савелий открыл ведомость покупок.

До полёта в ней были масса, цена и место хранения. Теперь он добавил столбцы: вскрыто, осталось, тара. Извлечённую из-под скобы упаковку следовало учесть отдельно, а не вычеркнуть: она по-прежнему была на корабле, только уже в мешке для отходов. Он работал так же, как дома с грузовыми ведомостями, которым его учила мать. Числа не должны были зависеть от того, надоело ли тебе их видеть.

Внизу оставалась сумма расходов.

Савелий выключил автоматическое округление. От округлённой суммы почему-то было неприятнее — словно деньги сами собой превратились в нечто приблизительное.

На эти накопления он собирался купить объектив. Не но-

вый: проверенный, с небольшим сколом на внешнем кольце. Он несколько месяцев смотрел объявление, потом продавец снял его, и Савелий решил, что подождёт следующего. Теперь ждать пришлось бы дольше. Еда, дополнительные носители для копий, крепление, пригодное для корабля, — по отдельности всё выглядело разумно. Вместе получилось больше половины того, что он отложил.

Он не жалел о продуктах. Ему нравилось, что друзья ели приготовленное им, что Никита выскреб соус хлебом, а Майя спросила, останется ли чечевица на завтра. Но рассказать о деньгах сейчас означало бы будто предъявить счёт за эти хорошие минуты.

Савелий закрыл итоговую строку. Массу и остатки оставил на виду.

В кают-компании Никита протирал стол, удерживая салфетку двумя пальцами. Миску с замоченной ложкой он уже убрал, карту пока не вернул. Фёдор, проходя мимо, забрал свою коробку. Таисия протянула из дверей руку за экраном, и он подал ей, не глядя в записи.

Савелий снял камеру с верхнего зажима и поставил низко, на край свободного сиденья.

— Ещё сниму немного. Можно?

Никита посмотрел на салфетку.

— Я тут особо ничего…

— Вот и хорошо.

Он включил запись. В кадре остался край столешницы,

Никитина рука, белая ремонтная накладка. Когда Савелий потянулся поправить крепление, внизу появился его собственный рукав. Мать зашила его узким двойным швом; нитки были чуть темнее ткани. Рядом блестела заводская защёлка, гладкая, без единой лишней линии.

Савелий убрал руку, потом вернул — не для того, чтобы показать шов, а чтобы ещё раз проверить, не качается ли камера. Никита закончил уборку и ушёл. Стол остался пустым. Несколько секунд в нём не нуждался никто.

Савелий продолжал снимать.

За следующие часы расписание успело один раз сбиться: Майя уснула раньше своей еды, и Фёдор разогрел её порцию вместе со своей. Он спросил у Савелия, какой пакет открыть, получил ответ и справился сам. После сна Савелий обнаружил на столе липкое пятно, но не стал молча стирать — показал Фёдору, где осталось. Тот принёс салфетку.

К двадцать шестому часу после старта в корабле уже различались привычные звуки: щелчок Никитиной ниши, два коротких удара подошв Таисии о порог, негромкое Фёдорово бормотание над переводчиком. Савелий сидел у свободного края стола и смотрел снятое без звука. Неудачный общий план он пометил, но не удалил. Короткую запись уборки оставил целиком.

Никита вышел из кабины, остановился рядом. Савелий ждал просьбы снять что-нибудь, пока есть время.

На экране рукав с домашним швом лёг возле корабельно-

го крепления.

— А почему ты это оставил? — спросил Никита.

— Что?

— Руку. Ты же мог обрезать. Она почти четверть кадра закрывает.

Савелий вернул запись на несколько секунд назад. Никита присел рядом, не потянувшись к управлению.

— Видишь шов? — спросил Савелий.

— Вижу.

— А теперь смотри дальше.

Глава 5. Двое суток до настоящего

На экране рука Савелия ушла из кадра. Остались заводская защёлка, светлая накладка стола и Никита с салфеткой — вернее, кусок Никиты, который старательно тёр уже чистое место.

— И что? — спросил он.

— Подожди.

Записанный Никита унёс салфетку. Несколько секунд ничего не происходило. Потом по краю стола скользнула тень: кто-то прошёл между ним и лампой.

— Здесь всё починенное, — сказал Савелий. — Рукав, накладка. А мы летим смотреть совершенно новое. Мне понравилось, что они рядом.

Никита снова посмотрел на пустой стол. Когда он его вытирал, это была просто уборка, причём не слишком приятная: салфетка цеплялась за стык. На записи у стола оказалось время побыть ничьим.

— Долго оставишь?

— Не знаю. Если отрезать сразу после твоего ухода, будет про то, как ты убираешь. А если подождать — уже про другое.

Никите хотелось предложить начать фильм с Эйры: кольца, корабль, потом они. Так зритель сразу понял бы, ради чего терпит салфетку. Но Савелий сидел, подперев щёку, и

смотрел на эту пустоту с таким вниманием, будто там могло случиться ещё что-нибудь.

— Ты же не только классу собираешься показать?

— Не только.

Савелий остановил запись.

— Есть конкурс наблюдательной документалистики. Не школьный. Туда можно без студии подавать. Я прошлогоднюю подборку смотрел — там один фильм вообще про ночную смену на водоочистке.

— И что в нём?

— Люди работают. Один всё время хочет рассказать сон, ему не дают. К концу я уже сам хотел узнать, чем там кончилось.

— Узнал?

— Нет. Зато запомнил всех.

Никита улыбнулся. Он представлял фильм Савелия чем-то вроде доказательства: вот мы, вот Эйра, никто из класса такого ещё не сделал. Теперь оказалось, что Савелию требовалось не доказательство.

— А какой кадр тебе нужен там?

— Пока не знаю. Надо сначала увидеть. И чтобы вы не начинали говорить в камеру каждый раз, когда я её поднимаю.

— Я могу не начинать.

Савелий посмотрел на него.

— Можешь, — согласился он.

— Но короткое приветствие всё-таки запишем? Не для

твоего конкурса. Отдельно.

— Отдельно можно.

К обеду стол опять понадобился всем, и ради приветствия его не пришлось занимать специально. Майя пришла с разогретыми порциями, Фёдор убрал со столешницы блок связи. Таисия закончила проверку и села с той стороны, где можно было вытянуть ноги.

Савелий закрепил камеру. Никита попытался развернуться так, чтобы в кадр попал корабельный экран, но закрыл собой Майю.

— Ты реши, — сказала она. — Либо приборы, либо я.

— Ты.

Это получилось слишком быстро. Фёдор поднял глаза, но промолчал, за что Никита был ему благодарен.

— Только не «дорогие одноклассники», — попросила Таисия.

— Я и не собирался.

— И не «в этот исторический час», — добавила Майя.

— Теперь у меня осталось «здравствуйте».

— Хорошее начало, — сказал Савелий. — Короткое.

Он включил запись. Никита посмотрел в объектив.

— Мы сейчас находимся на полпути к Эйре. Позади…

— Всё, что мы не успели сдать, — негромко закончил Фёдор.

Майя отвернулась. Таисия закрыла рот ладонью. Никита удержался, поднял палец: сейчас, ещё можно продолжать.

— Позади Перелесье. Впереди — первый…

Он сделал паузу.

— Напоминание: очистить сетку пищевого блока, — сообщила «Недотрога».

Савелий опустил голову. Камера всё ещё писала.

— Первый кто? — спросила Майя сдавленным голосом.

— Первый человек, который её очистит, — ответила Таисия.

Никита засмеялся вместе со всеми, хотя приготовленная фраза ещё держалась в голове и не хотела уходить.

— Ладно. Стоп. Это не сохраняй.

— Для вступления не годится, — сказал Савелий и выключил запись. — Дубль пока уберу в черновики. Не для показа.

— Давай ещё раз? — предложил Фёдор.

— Потом, — сказал Никита.

Савелий снял камеру с зажима. Фёдор потянулся за своей порцией, Таисия спросила, кто сегодня отвечает за пищевой блок. Оказалось, Никита. Он достал сетку, отнёс к мойке и ещё оттуда услышал, как Майя пересказывает Фёдору его же реплику, которую тот, по её мнению, произнёс гораздо торжественнее, чем собирался.

Без камеры разговор продолжался сам.

***

Во второй условный вечер Никита проснулся раньше смены. До выхода оставалось чуть больше десяти часов.

Он полежал в нише, прислушиваясь. Никто не спорил. За стенкой ровно шла вентиляция, иногда щёлкало крепление. В переходе нечего было смотреть наружу; на обзорном экране оставались схема участка и отсчёт. Никита успел проверить их столько раз, что теперь знал, сколько занимает путь от ниши до кабины, в убывающих секундах.

В кают-компании горел только настенный экран. Майя сидела боком, подтянув одну ногу, и двигала пальцем запись.

На изображении тянулась низкая тёмная полоса. Над ней колебалось что-то тонкое, медное. Внизу стояли дата зондовой съёмки, масштаб и отметка архива.

— Это живое? — спросил Никита.

— Возможно. Здесь нет образцов. Смотри на край.

Он посмотрел. Ничего особенного на краю не было.

Майя вернула запись назад. Медные иглы наклонились, затем выпрямились, но не все разом: движение пробежало по полосе с задержкой. Ветер, отмеченный на служебной шкале, уже стихал.

— Может быть, просто упругая структура, — сказала она. — А может, они как-то передают движение. Видишь, вон те ещё не шевелятся?

Никита подвинул к ней свободное сиденье.

— Вот эти?

— Нет, левее. Где тёмный провал.

Он увидел. На третьем повторе — наконец увидел: несколько игл стояли неподвижно, пока соседние ложились

почти горизонтально. Потом край дрогнул, и медный блеск перескочил через провал.

— Зачем зонду это понадобилось?

— Он снимал оседание пыли у посадочной площадки. Это край контрольного участка. В отчёте три строчки.

На столе лежал её блокнот с незаконченной записью. Майя потянулась к нему, посмотрела на страницу и рассмеялась.

— Я уже минут двадцать собираюсь записать, что тут надо проверить.

— Может, не надо пока?

— Может.

Она оставила блокнот.

Экран освещал её очки сбоку. Когда запись доходила до светлого участка, блик перебегал по щеке и исчезал у дужки. Никита устроил локоть так, чтобы не касаться её руки. Это потребовало больше внимания, чем изображение.

— В гавани есть кольцевая площадка, — сказал он. — В схеме гостевого контура. Обзор почти полный.

— Через стекло?

— Да. Закрытый переход. Оттуда кольца должны быть видны без наложения на планету. Если выбрать время…

Он уже собирался объяснить, что можно было бы пойти вдвоём, пока остальные заняты. Но это означало сначала выяснить, захотят ли остальные быть занятыми.

— В общем, хороший угол, — закончил он.

Майя повернулась к нему.

— Ты опять хочешь поставить нас спиной к планете?

— Нет. Теперь можно лицом.

— Прогресс.

Она улыбнулась и снова запустила запись. Никита остался рядом. Удобный угол был обсуждён; ничего другого он не предложил.

В дальнем конце каюты Таисия сидела с небольшим экраном на коленях. Фёдор пришёл, поставил рядом воду и устроился у стены. Некоторое время он читал, потом выключил свой экран. Таисия не подняла головы, только передвинула ступню, освобождая ему место. Они молчали. Никита уже вдохнул, чтобы позвать их смотреть медные иглы, и не позвал.

Савелий появился с ведомостью. Остановился у экрана, дождался конца короткой записи.

— Это на поверхности?

— Да, — сказала Майя.

— Мы туда точно не успеваем. А на саму гавань сколько у нас остаётся?

Никита отодвинул локоть. Майя приостановила изображение.

— Сейчас открою.

Он вывел маршрутную таблицу на свободную половину экрана. Медная полоса сжалась, рядом вытянулись цветные участки перелёта. Школьная защита стояла на прежнем ме-

сте — сто четвёртый час после старта.

— Выход на пятидесятом. Подход, стыковка — примерно пятьдесят второй. Это если дадут маршрут без ожидания.

— А обратно? — спросил Савелий.

Никита раскрыл свёрнутые участки: отход, движение к коридору, сорок восемь часов перехода, подход к Перелесью.

Когда всё было видно сразу, гостевое время почти терялось между длинными полосами.

— Так, — сказала Таисия.

Она убрала свой экран на сиденье. Фёдор сел ровнее.

— На визит — меньше часа? — Савелий приблизил таблицу. — И это вместе с тем, чтобы выйти и вернуться?

— При самом коротком обслуживании. Тут ещё есть небольшой запас на местных участках.

— Насколько небольшой?

Никита назвал цифру. Вслух она прозвучала хуже.

Майя сняла очки, посмотрела на неподвижные медные иглы.

— Санитарный цикл я сокращать не буду. Мы даже не знаем, сколько займёт их сторона.

— Я не предлагаю сокращать.

— А проверка перед обратным выходом проводится целиком, — сказала Таисия. — С очередью или без очереди.

— Да.

— То есть если задержат у причала, мы уже не успеваем, — сказал Савелий.

— Если надолго.

— Никит, здесь «надолго» — это обед.

Он не повысил голоса. От этого Никите стало труднее ответить.

За столом помнили его «успеем». Он мог сейчас рассказать про сохранённое окно входа, про точность автоматики, про то, что график пока исполняется. Всё это было правдой и не добавляло им ни одной минуты на Эйре.

— Запаса почти нет, — сказал он. — Возвращение к защите я обещать не могу.

Фёдор наклонился к таблице.

— Можно сказать, что ожидаемое возвращение остаётся в пределах…

— Не надо пока формулировку, — перебил Никита. — В пределах получится только если нас нигде не задержат.

Фёдор закрыл рот. Никита почувствовал себя грубым, но поправлять сказанное не стал.

Савелий провёл пальцем по крошечному промежутку у гавани.

— Несколько минут в шлюзе — это не то путешествие, про которое мы говорили.

Никита смотрел на его палец.

— Знаю.

— Я всё равно хочу войти, — сказала Майя после паузы. — Если нас нормально примут. Только не бегом и не без проверки.

— К гавани идём, — сказала Таисия. — Получаем реальные сроки. А дальше считаем по ним.

Савелий кивнул не сразу.

— Я тоже хочу посмотреть. Но обратно бежать с камерой, потому что у нас осталось четыре минуты, не буду.

— Понял, — сказал Никита.

Фёдор спросил, где в данных гавани указано обычное время приёма. Они поискали и нашли несколько длительностей для грузов, ни одной пригодной для живых человеческих гостей.

Никита оставил таблицу открытой. Медные иглы рядом с ней больше не двигались.

***

Оставшиеся часы не стали короче от того, что теперь все знали цену задержки.

Никита отработал смену, разогрел еду, которую почти не хотелось есть, потом всё-таки уснул. Ему снился школьный стенд: рама не падала, но он никак не мог отпустить её, чтобы посмотреть, что написано с другой стороны.

Разбудил его сигнал подготовки к выходу.

Он умылся, убрал спальную нишу и прошёл в кабину. Отцовская куртка висела у стены; Никита оставил её там. В кресле без неё было просторнее.

Таисия уже читала журнал. Он занял полётное место и открыл свою последовательность. Показания были штатными. Пока он спал, «Недотрога» не приблизила школьный срок и

не отдалила его; просто прошла положенный участок.

— Время выхода без изменения, — сказал он.

— По системам замечаний нет. Следующая проверка после завершения перехода.

В проходе Майя закрепляла последние свободные вещи. Савелий проверил кухонный шкаф, затем крепление камеры. Фёдор подключил связь и вывел сохранённые сведения о гавани.

— «Дальний берег» по-прежнему на сто восьмом, — сказал он. — В нашем пакете изменений нет.

— Это старые данные, — напомнила Таисия.

— Знаю. После выхода проверю новые.

На маленькой схеме транспорт шёл к Эйре, а затем дальше, к обследованной планете соседней системы. Обмен грузом, контактный визит, продолжение маршрута. Раньше Никита видел прежде всего отметку прибытия: успеть до них. Сейчас его взгляд задержался на строке «заход согласован». У этих людей было время на то, что они собирались сделать.

— Все закрепились? — спросил он.

Ответы пришли по очереди.

Последние минуты тянулись медленно. Никита проверял то, что полагалось проверить, и удерживался от лишних касаний экрана. Майя за его спиной молча поправила ремень. От Савелия донёсся короткий щелчок камеры.

На пятидесятом часу отсчёт закончился.

Служебная схема уступила место внешнему изображе-

нию.

Сначала Никита увидел только звёзды. После двух суток нарисованных линий они показались слишком мелкими и беспорядочными. Он нашёл указатель Эйры: рядом с ним светилась крошечная продолговатая точка.

— Выход завершён. Параметры в пределах расчётных, — сообщила автоматика.

Никита подтвердил контроль, Таисия отозвалась о системах. Лишь после этого он перевёл изображение обзорного прибора на общий экран.

Точка выросла в планету.

Кольца оказались не сплошной светлой лентой. Между яркими полосами проходили тонкие провалы; один край был резким, другой словно растёрли по чёрному стеклу. Сама Эйра висела чуть наискось. По освещённой стороне тянулись белёсые облачные гряды, а за ними, ближе к ночи, проступал глухой серо-зелёный цвет. Тень планеты пересекала кольца так ровно, что Никита сначала принял её за сбой изображения.

Он убрал служебные подписи, оставив только масштаб и время наблюдения.

— Вот там… — начала Майя и замолчала.

Савелий поднял камеру к экрану, посмотрел поверх неё и на несколько секунд опустил. Фёдор медленно выдохнул. Таисия продолжала читать показания, но, закончив строку, не перешла к следующей сразу.

Никита хотел сказать: «Мы долетели». Потом: «Представляете, что будет ближе». Ни одна фраза не понадобилась.

За стеклом Эйра оставалась маленькой, доступной без приборов лишь как необычная звезда. На экране можно было рассмотреть, как тонкий край кольца исчезает в тени. Оба вида были настоящими. Никита переводил взгляд с одного на другой, пока не пришло время подтверждать подход.

Внешняя связь принимала навигационные отметки. На схеме появились движущиеся точки служебных аппаратов, удалённые грузовые трассы и сама гавань. До неё предстояло ещё лететь.

Фёдор отправил технический запрос. Пока ответ шёл обратно, Никита сверил предложенный участок с бортовым расчётом. Отметка выхода из перехода уже осталась позади.

— Есть, — сказал Фёдор.

Он прочёл сначала молча, потом вслух:

— Габариты приняты. Допустимое ускорение принято. Параметры человеческой атмосферы есть в обменном корпусе. Запрашивают подтверждение изоляции и готовность к гостевому оформлению.

— Давление в каких единицах? — спросила Таисия.

— В наших и в их. Пересчёт совпадает.

Майя наклонилась к своему экрану, проверяя данные среды. Савелий убрал камеру так, чтобы она не мешала проходу.

Фёдор увеличил следующую строку.

— Транспортную часть переводит уверенно. Гостевой

раздел посмотрю отдельно.

Никита вывел разрешённый маршрут. Тонкая линия огибала закрытые грузовые зоны и уходила к ещё неразличимому причалу. Прогноз стыковки оставался прежним — около пятьдесят второго часа.

— Продолжаем подход, — сказал он.

«Недотрога» приняла подтверждение. На общем экране кольца медленно повернулись вместе с изменением курса, и их край вышел из-за рамки. Никита вернул масштаб чуть дальше, чтобы снова видеть целиком.

Глава 6. Один гость, пять порций

Гавань не помещалась в тот образ, который Никита успел составить по схеме. Он ждал увидеть станцию с причалами, а видел отдельные освещённые конструкции, между которыми было слишком много темноты. Лишь на увеличении обнаружились тонкие связи: переходы, фермы, натянутые линии. Грузовые спицы уходили от центрального узла в разные стороны. По одной медленно двигалась цепочка контейнеров; другая казалась пустой, пока вдоль неё не пробежали огни.

Разрешённый маршрут «Недотроги» заканчивался у короткого бокового ответвления. Прямо перед кораблём ничего не было, но автоматика держала скорость: свободное на глаз пространство пересекала чужая служебная трасса.

— Ждём, — сказал Никита, хотя никто не предлагал лететь дальше.

Через полминуты поперёк курса прошли два аппарата с грузом между ними. Груз держался не посередине, и один аппарат двигался чуть боком, всё время поправляя положение.

Савелий снимал с заднего места, прижав камеру к груди. Никита уже открыл рот, чтобы показать ему аппараты, но вспомнил просьбу не обращаться к камере каждый раз, когда она включена.

На схеме погасла поперечная полоса. Путь к причалу от-

крылся ещё на один участок.

— Контактная поверхность не совпадает, — сказала Таисия.

На её экране два чертежа легли друг на друга. Диаметр подходил, уплотняющая кромка тоже, а три выступа внешнего крепления попадали в сплошной пояс корабельного узла.

Никита почувствовал, как неприятно сжалось под рёбрами.

— Нас не примут?

— Я сказала про крепление. Федя, отправь эту разницу. Только без предложения что-нибудь отпилить.

Фёдор передал изображение. Ответ пришёл, пока Никита сверял скорость сближения.

— Предлагают промежуточный рукав. На своей стороне соберут под наш профиль. Вот допуск по нагрузке.

Таисия приблизила чертёж.

— Наш замок я проверю. Их часть — по их подтверждению. У меня даже обозначения материалов не все открываются.

— Так и написать?

— Да.

На связь вышел живой служащий. По крайней мере, рядом с текстом появилась объёмная картинка низкого шестиконечного тела, стоявшего у развёрнутой конструкции. Две передние конечности удерживали пластину, остальные ме-

няли опору так плавно, что Никита не сразу понял, когда существо повернулось.

Фёдор выпрямился.

— Добрый день. Мы очень рады…

Переводчик пропустил приветствие и выдал вопрос:

— Подтвердите предельное усилие на внешнем поясе.

Никита назвал величину. Служащий повторил её в двух системах единиц, и Таисия сверила числа. Первый живой разговор с Эйрой продолжился толщиной уплотнения.

Никита надеялся запомнить голос, но слышал в основном ровный русский перевод. Исходный звук оставался под ним: короткие шорохи и низкая вибрация, которой не находилось места в человеческом горле. Он добавил исходную дорожку чуть громче — и сразу убрал обратно, когда пропустил начало следующего вопроса.

Служащий показал собранный узел. Над изображением появилась отметка местной проверки.

— Нам нужно подтверждение изоляции по всему рукаву, — сказала Майя. — Не только на стыке.

— Запросил, — отозвался Фёдор.

Проверка заняла семь минут. Никита видел, как они прибавляются к местному времени подхода. В таблицу возвращения не заходил: там от этого ничего не улучшилось бы.

За стеклом приблизился край спицы. На нём не было большого яркого номера, к которому хотелось бы уверенно направить корабль. Зато на экране все габариты, оси и пре-

делы совпадали с тем, что видела «Недотрога».

— Федь, гостевое оформление пока посмотри. Если можно параллельно, не затягивай.

— Уже открыл.

Никита повернулся к нему на секунду. Фёдор держал на коленях блок связи; нарядная узкая тесьма на вороте зацепилась за край ремня. Он освободил её, не отрываясь от текста.

— Тут хотя бы без усилия на внешний пояс? — спросил Никита.

— Пока не обещаю.

***

Форма заняла весь боковой экран. Верхняя часть уже была заполнена кораблём: тип среды, масса, пять биологических тел, один идентификатор ответственного оператора.

Возле последнего стояло имя Никиты.

— Это ещё от полётной записи, — сказала Таисия. — Автоматическая передача.

— Связь веду я, — сказал Фёдор и открыл следующий раздел. — Сейчас укажем.

Никита следил за двумя расстояниями: до рукава и до границы разрешённой зоны. «Недотрога» выполняла рассчитанный подход сама, но каждое новое ограничение требовало его подтверждения. Он слышал, как Фёдор читает вполголоса.

— «Раздельное…» Нет, тут варианты. «Раздельное представление ответственных». «Единое представительство».

Второе ещё переводит как «единая ответственная сторона».

У физических полей горели почти полные полоски уверенности. Здесь полоска доходила немного дальше середины. Под русскими словами оставались исходные знаки; рядом можно было открыть другие соответствия.

— Это один разговаривает за всех? — спросил Никита.

— Похоже. Иначе каждому заполнять свою ветку. С уточнением статуса.

— Ты же ведёшь связь.

Фёдор коснулся второго варианта. На экране возникло его имя, а ниже — строка о связи с операторским идентификатором «Недотроги».

— Представитель Фёдор Челноков, — прочёл он. — По крайней мере, здесь без вариантов.

Никита вернулся к траектории. На внешнем изображении раскрывалось кольцо захвата. Три секции отодвинулись, освобождая место корабельному узлу.

— Нагрузка нулевая, — сказала Таисия. — Пока не касаемся.

Фёдор провёл пальцем по форме.

— Есть обычное размещение с предварительным уточнением и расширенная защита. Сопровождение при… — Он приблизил строку. — При нарушении связности. Или согласованности. У них это в одном поле.

— Связи? — спросил Никита.

— Не совсем. Сейчас.

Открылось пояснение в несколько экранов. Никита успел заметить заголовок «Изменение принятого статуса», а под ним — «очное подтверждение / проверка». Уверенность перевода снова была низкой. Фёдор прокрутил первый экран, задержался на схеме маршрута сопровождения.

На полётной панели прозвучало напоминание.

— Федь, освободи мне край, — попросил Никита.

Фёдор свернул пояснение.

— Гавань берёт сопровождение на себя. С защитой дают готовый приёмный маршрут, без отдельного ожидания.

— Лишь бы санитарную проверку не заменяли этим, — сказала Майя.

— Она отдельная, уже идёт.

Фёдор нажал подтверждение. Строка коротко осветилась, затем под ней появились время, выбранное представительство и ссылка на сохранённую исходную форму. Значок пояснения остался закрытым.

— Оформлено, — сказал он.

Никита кивнул. Рукав теперь был прямо перед ними. Он видел складки оболочки, жёсткие кольца, маленький служебный аппарат у дальнего крепления. Всё это не являлось изображением из чужого отчёта: через несколько минут он должен был пройти внутри.

Первое касание оказалось почти неслышным. На экране изменились показания усилия, корабль замер относительно причала. Замки сработали по очереди.

— Механическое соединение, — сказала Таисия. — Герметичность ещё не подтверждена.

Никита держал руки на опорах кресла. Ему хотелось уже отстегнуться, посмотреть в люк, позвать остальных. Вместо этого он прочёл контрольные величины и дождался ответа гавани.

После двух проверок появилась разрешающая отметка.

Часы показывали чуть больше пятидесяти двух часов от старта.

— Стоим, — сказал он.

Фёдор негромко хлопнул ладонями по коленям. Савелий выключил камеру, чтобы перестегнуть её на короткий ремень.

Дальше все двигались быстро, как перед выходом из перехода. По команде Таисии закрепили оставленные у кресел вещи, по просьбе Майи проверили защитные ободки и соединения комплектов. Фёдор поднял переносной блок. Никита дождался, пока последний ответ появится в списке, и повёл их к шлюзу.

На гостевом экране возникла новая запись:

«Предварительный профиль: посетитель — 1. Носители — 5».

Под ней были свёрнуты основания. Никита открыл их, ожидая увидеть паспорт корабля. Увидел три строки: единый операторский идентификатор, подтверждённое единое представительство, согласованная последовательность отве-

тов и перемещений.

— Посетитель — это «Недотрога»? — спросил он.

Фёдор наклонил блок.

— Может быть, группа по одной заявке. Сейчас уточню.

Он отправил вопрос о количестве прибывших. Ответ не заставил ждать: пять тел, пять дыхательных комплектов, пять мест человеческого размера. Возле каждого стояла отметка готовности.

— Всех учли, — сказал Фёдор.

— Хорошо. А то я уже думал, нам дадут одну раскладушку, — сказал Никита.

— Грузоподъёмность хотя бы спроси, — отозвался Савелий.

Никита засмеялся и шагнул в шлюз.

***

В переходном рукаве пахло только их собственными защитными комплектами. Внешняя оболочка шла мягкими складками, но под ногами лежал ровный настил с непривычно частыми поперечными бороздками. Никита сначала старался наступать между ними, потом перестал.

За прозрачной перегородкой параллельного служебного прохода перемещались местные тела. Одно задержалось у панели, два других обошли его с разных сторон. На боках раскрывались световые складки. Никите хотелось понять, кто куда спешит и кто с кем пришёл, но по движениям этого не получалось.

У входа их встретил служащий — или несколько, Никита уже не был уверен. Три низких тела находились по одну сторону герметичной перегородки. Среднее подняло переднюю конечность к световому указателю.

— Среда подготовлена по данным человеческих аппаратов, — произнёс переводчик. — Присутствие живого человеческого посетителя здесь впервые. Сообщайте несовпадения.

Последние слова переводились уверенно.

Майя сравнила местные показания с переносным датчиком, дождалась окончания санитарного цикла и только тогда разрешила открыть защиту внутри ячейки. Никита откинул прозрачную часть ободка. Воздух был прохладнее корабельного, с едва заметным запахом новой упаковки.

Комната оказалась просторной после «Недотроги». Он прошёл три шага, не повернув плеча и ни за что не зацепившись. Это само по себе доставило удовольствие.

Пять лож были правильной длины. У каждого имелись опора для головы, ремни на случай изменения режима тяжести, небольшая полка. Но все они расходились лучами от одного центрального устройства, так что лежащие люди оказывались головами почти рядом. Между местами стояли низкие складные экраны — скорее от света, чем от взглядов.

Фёдор поставил блок на центральную поверхность. Та сразу наклонилась к нему.

— Ух ты.

— Не клади пока всё, — предупредила Таисия. — Мы не знаем, что она ещё делает.

Поверхность вернулась в горизонтальное положение. На ней появились изображения света, воздуха, отдыха и питания.

Савелий подошёл со стороны ближайшего ложа.

— Еда тут своя или наша?

Фёдор открыл раздел. Местные продукты были помечены как непроверенные для человека и недоступные к выдаче. Предлагались вода по согласованному составу, использование привезённых запасов и перенос закрытых упаковок с корабля.

— Наша, — сказал он. — Зато есть герметичный нагреватель.

— Тогда пять порций. Вот этих. — Савелий указал пакеты в корабельной ведомости. — И запиши расход сразу, чтобы не искать потом в двух местах.

Фёдор отправил заказ. Экран без колебаний показал пять упаковок, пять ёмкостей и необходимое количество воды.

— Ну вот, — сказал Никита. — С числом всё нормально.

Он выбрал ближайшее свободное место, положил сумку на полку и опробовал опору. Она подстроилась под его спину. Дома в учебном центре такая вечно заедала; здесь чужая мебель с первого раза поняла, где у него плечи.

Майя села напротив. Между их лицами был всего метр.

— А это раздвигается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.